

Виталий ГОРЕЛИК

Красноярск

Родился в 1949 году в Хакасии. Окончил Абаканское медучилище и Красноярский медицинский институт. Военную службу проходил в должности фельдшера отдельного танкового батальона. 13 лет проработал врачом-наркологом в Красноярске. Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности радиолога полка химзащиты СибВО. Награждён орденом Мужества. Капитан медицинской службы. Инициатор создания в 1991 году в Красноярске

общественной организации лиц, пострадавших от радиации, которую возглавлял в течение пяти лет. Им изданы три поэтических сборника: «Мне сравнить тебя просто не с кем» (1998), «Ожидание» (2002), «Беспмятство» (2006), книга стихов и рассказов «Дорогою долготерпения» (2018).

ФАЗИЛ

Фазил — так назвался, знакомясь со мной, рядом стоящий на автобусной остановке человек. Высокий, могучего телосложения, по возрасту лет шестьдесят. Доброжелательный. На голове — чёрная тубетейка с красиво вышитым разноцветным орнаментом. Обычно такие головные уборы носят мусульмане. Маршруты наших автобусов задерживались. Разговорились. Рассказал, что он из числа бывших военных, служил в Чечне. Однажды, находясь в засаде, им был остановлен вооружённый горец, шедший в сторону небольшого селения, находящегося в низине по сторонам горной речки. Солдатам их части было приказано доставлять в особый отдел всех, кто пытается в деревню проникнуть. Несколько дней назад была окружена и разгромлена большая группа хорошо вооружённых бандитов. Кое-кто из них успел скрыться в лесных массивах.

Погода была некомфортной — в течение суток лил затяжной морозящий холодный дождь, с утра небо затянуто серыми тучами. Задержанный оказался мужчиной среднего возраста, худощавым, болезненного вида, обросшим, одетым в изношенный старый ватник и рваные шаровары. На ногах — стоптанные залатанные сапоги. Он покорно бросил своё ружьё и с поднятыми руками, опустившись на колени, распростёрся на земле вниз лицом. Ружьё было

допотопное, старинное, с растрескавшимся деревянным прикладом, не заряжено. Признался в том, что был вынужден подчиниться решению старейших: пойти на помощь своим братьям по вере, воевавшим против русских и скрывавшимся в лагере в десяти километрах от райцентра. Покаялся Аллахом, что ни в кого из федералов не стрелял и что никогда больше не возьмёт в руки оружие.

Сообщил, что у него пять малолетних детей, жена беременная — на сносях, мать старенькая, больная. Попросил не сдавать его в штаб, где будут издеваться над ним, изуечат, убьют.

— Пристрели лучше здесь, а также, если сможешь, скажи матери, живущей в крайнем доме вблизи от ручья, о моей смерти.

Мне почему-то стало его жалко. Не из-за того, что он отец многодетный: у большинства кавказцев в семьях по шесть-восемь детей — не редкость... Поразили его голос, наполненный безразличием и усталостью, и лицо, на котором ни тени испуга и страха. Полнейшее равнодушие к своей участи: мол, всё на земле происходит по воле Всевышнего...

В нарушение приказа я его отпустил. Ружьё передал командир, пояснив, что нашёл его в зарослях кустов у реки. Офицеры, с интересом осмотрев находку, сказали, что цены этой рухляди нет — очень уж редкостный экземпляр, и место ему в музее.

Через неделю, во время патрулирования сельских улиц, ко мне из толпы местных жителей состоящей в основном из седовласых и седобородых пожилых мужчин, приблизился, слегка прихрамывая, мой бывший пленник и попытался передать крупную сумму денег:

— Наши старики, сколько смогли, собрали их, велели тебя отблагодарить.

Я, еле сдержавшись от гнева, прогнал его прочь, пообещав пристрелить, если он ещё раз посмеет сунуться ко мне с деньгами...

На следующий день к расположению нашей воинской части подошла очень скромно одетая чеченка — мать горца. Издалека увидев меня, подозвала и обратилась со словами:

— Ты, русский, хороший, добрый. Прошу — не обидь меня, старую женщину. Прими в знак признательности за то, что ты спас моего единственного сына, мною сшитый этот головной убор. Сын тебя не обманывал. Вчера в нашей семье был праздник: невестка родила мне внучку.

Подарок я принял. Ношу по выходным и воскресным дням почти девятнадцать лет. Тюбетейка напоминает мне события давно прошедших дней в период войны на Кавказе. О том, что я там видел, лучше никому не рассказывать...

Сейчас я на пенсии. Не так давно перенёс инфаркт. Пенсия небольшая. Приходится подрабатывать охранником.

На этом наш разговор прервался — подъехали автобусы. Мне надо было ехать в одну сторону, ему — в другую...

Усевшись на свободное кресло, я попытался представить себя на его месте в то далёкое время. Как бы я поступил в той ситуации? Не знаю... Время в период развала великой, «сплочённой нерушимой дружбой братских народов» страны, носившей название СССР, было трудное. В армейских спецчастях, участвовавших в операциях по «зачистке Чечни от мятежников», солдату, не выполнившему приказ, грозило серьёзное наказание — никто бы его по головке не погладил, не пожурил. Можно было и срок получить немалый, могли и к стенке поставить. Верить на слово врагу, тем более пойманному с оружием в руках, опасно. Известны кровавые рейды банд террористов в Будённовск с захватом родильного дома, а также школы в Беслане, концертного зала в Москве; взрывы в автобусах, в самолётах, в метро.

Многие знают о горькой судьбе захваченных в плен солдат и офицеров российской армии. Часто за них, в большинстве своём раненых, боевики требовали от родственников выкуп — огромные суммы денег в валюте.

Про случаи мародёрства и жестокости к местному населению со стороны федералов обычно не принято говорить в печати, но они были...

Война всё спишет. А совесть — вряд ли...